

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Анастасия СОЛОВЬЕВА

ПРИНЦ
ДЛЯ
НЕУДАЧНИЦЫ

Анастасия Соловьева

Принц для неудачницы

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=587445

Соловьева А. Принц для неудачницы: Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-01951-6

Аннотация

Ксения Костромина считала, что живут они с мужем Владимиром вполне прилично для пары за тридцать: квартира, дети, хорошая работа. Однако Владимир решил стать бизнесменом, но семья недолго наслаждалась достатком. Неудачливый бизнесмен прогорел и умудрился заложить квартиру жены, подделав ее подпись. Когда женщину охватило полное отчаяние, на горизонте, как в сказке, появился Иван, добрый, сильный, надежный...

Содержание

Анастасия Соловьева

4

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Анастасия Соловьева

Принц для неудачницы

В начале было Слово...

То есть много завораживающих, сверкающих слов, из которых, как из сна, поднимались манящие очертания будущего.

Первым делом они срочно должны сменить место жительства. Ну в самом деле, сколько же можно им вчетвером кантоваться в двухкомнатной квартирке блочной девятиэтажки у метро «Тимирязевская»?!. Что, они хуже всех, что ли? Хуже даже этого придурка, как бишь его?.. Владлена?

– Владилена.

Ксения выразительно вздохнула и, оторвавшись от дороги, посмотрела на мужа с наигранным осуждением. Так добрые училки глядят на провинившихся первоклассников.

– Не будь жлобом, дорогой. Поел, попил, а теперь чихвостишь хозяев? Какими бы они ни были...

– Черт! Да с какого пива этот Владлен...

– Да с такого, с такого!.. Человек вовремя сориентировался, ушел в бизнес, сколотил капитал...

– Да!.. Умеют же жить люди!.. А мы...

– А что мы? Ты писал диссертацию, – напомнила Ксения, уже тяготясь разговором. – Хорошая диссертация получи-

лась, помнишь? Все хвалили. Твой научный руководитель... И вообще, диссертации ты обязан своей карьерой в институте.

– А, мура это. – Муж нетрезво помотал головой, как будто хотел сбросить остатки тяжкого сна. – Карьера, институт... Все в прошлом. Теперь начнется жизнь совсем другая!

Лучше молчать, уговаривала себя Ксения. Стоит произнести одну, даже самую невинную, фразу раздражение непременно вырвется наружу, и воскресный вечер полетит псу под хвост.

«Молчи, молчи», – твердила она себе, нервозно сжимая потертый руль «хендая».

Муж же, наоборот, говорил не останавливаясь, как будто строчил из пулемета.

Как она отнесется к тому, что для начала они переберутся в коттеджный поселок? Где-нибудь километров тридцать по Новой Риге, а?.. «Гринвуд»... Он вчера рекламу видел по телевизору.

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Ксения опять промолчала. Да, она тоже видела эту рекламу. Ее, кстати сказать, целый месяц уже показывают. Некто высокий, стройный, загорелый пружинящей походкой следовал через вереницу суперсовременных комнат: холл, гостиная, бассейн, зимний сад. Никель, стекло, пластик и хром, хром, хром. Память – неизвестно для чего – отчетливо запечатлела холодный хромовый блеск новомодного жилища.

Иногда в голову забредали дурацкие мысли, вроде того, что и она неплохо смотрелась бы в таком ролике. Проходя через кухню, налила бы в высокий узкий стакан свежесжатого сока и потом, стоя на террасе в окружении химически зеленых растений в кадках или спускаясь по ступенькам в сад, потягивала бы его через соломинку. И делала бы это не менее грациозно, чем та невероятно высокая, задрапированная в белые одежды девица. У нее, Ксении, тоже рост и каштановые волосы до лопаток. И тряпки белые в шкафу найдутся не хуже, надо только внимательно поискать.

Боже мой, ну какие же глупости!.. Идиотские фантазии, навеянные не менее идиотской телевизионной рекламой. И с какой это стати она – замужняя женщина за тридцать, литературный редактор уважаемого издательства и, наконец, мамаша двойняшек-тинейджеров – станет дефелировать по ступенькам дурацкого дома?

– Так что же, молчание – знак согласия? – Муж поощрительно усмехнулся. – Согласна, стало быть? Будешь хозяйкой такого коттеджа? Участок полгектара, бассейн, сауна, гостевой дом...

Ей вдруг стало так вселенски, космически одиноко. Как будто она не в своей машине возвращалась с мужем домой из гостей, а где-то на дальнем перегоне в пустой поздней электричке выслушивала назойливого пьяного попутчика. Володя показался таким ненужным, далеким и одновременно беспомощным, что даже и раздражения уже не вызывал. Его

было жаль. Но себя было жаль сильнее. До слез.

— ...А кого мы пригласим в гостевой домик?.. Не догадываешься?.. То-то и оно! Владилена!

— Господи, да зачем? — не выдержала Ксения. — У нас же есть друзья. Дубровины, Кублицкие... Лучше уж Ленку мою позовем, чем этого...

— А пусть он видит!

— Что видит?

— Что мы не хуже... Мы тоже можем...

— Да он и так все видит! Слушал, открывши рот, как ты рассказывал про свои технологии...

— Технологии? — Муж саркастически хмыкнул. — Технологии пошли теперь на хрен.

— Вот как?.. А... что ты будешь делать?

— А я... А вот как Владилен.

— Он, кажется, стройматериалами торгует... Или я что-то путаю?

— Всем понемногу. Стройматериалами, продуктами, цветами и технологиями, в которых ни черта не смыслит!

— То есть ты решил променять свою работу на торговлю, в которой ни черта не смыслишь?

— Да, если это выгоднее...

— Какой ты, в сущности, еще ребенок! — засмеялась Ксения. — Попал под скромное обаяние буржуазии. На четвертом десятке, не стыдно, а?

— Это тебе будет стыдно, — горячо начал Володя, и ей уже

не казалось, что он так сильно пьян. — Ты просто не веришь в меня. А скажи тебе: переезжай в «Гринвуд» или отправляйся в отпуск в Южную Америку...

Тут он заговорил спокойнее, углубившись в пересказ одного из сюжетов Travell chanel, который они от нечего делать смотрели на даче в прошлом году. Кажется, сюжет назывался «Дикая природа Венесуэллы».

— И ты думаешь, стоит только захотеть?

— Не только. Но захотеть — необходимое условие. — Последняя фраза прозвучала абсолютно трезво и, как это ни странно, убедительно.

* * *

Наутро все было позабыто: Владилен, пафосное застолье в его доме-дворце и нелепый разговор по дороге домой.

Двойняшки сонно протестовали против того, что вставать нужно в такую рань. Хотя на самом деле была никакая не рань, а уже, слава богу, четверть восьмого и до начала школьных занятий оставался час с небольшим.

Окончательно проснувшись, дети подрались за право первым воспользоваться ванной. Из кухни Ксения хорошо слышала, что инициатором драки на этот раз была Вероника. Кирюшка пытался сдержать натиск сестры, но потерпел поражение.

«Женщины — сильный пол». Ксения тихонечко усмехну-

лась. Если честно, она не верила в этот постулат ни одной минуты. Просто некоторых жизнь заставляет быть сильными. А современным девочкам неизвестно зачем усердно втолковывают: будь сильной. Вот ее наивная дочка все время и упражняется в демонстрации силы. Физической и интеллектуальной. Сначала лупит брата, а потом дает ему списывать алгебру. Кирилл в шутку зовет ее ГДЗ (готовые домашние задания).

Муж хмуро пил кофе и по обыкновению пролистывал какие-то бумаги. Ксения знала: на днях в их институте открывается ежегодная отраслевая конференция. Володя, как обычно, будет выступать. Не успевает, волнуется. Всматриваясь в правильное, сосредоточенное лицо мужа, Ксения почти усомнилась в реальности их вчерашнего разговора.

С одной стороны, все, что он говорил, ерунда. С другой – он прав. Конечно, двухкомнатную квартиру им давно пора обменять на трехкомнатную. Двойняшкам уже по тринадцать, а они до сих пор спят в одной комнате. А кроме спальни, в порядочном доме должна быть гостиная, а в идеале еще и кабинет... Машину тоже неплохо бы сменить. Не говоря уж о том, что и ей пора обзавестись своей собственной машиной.

Да, все так. Но хорошо бы это сделать в рамках привычного образа жизни. Так сказать, без оперативного вмешательства. Чтобы не превратиться по ходу дела во Владилену.

– О чем задумались, Ксения Дмитриевна?

Ксения подняла глаза – Володя глядел на нее с добродушной насмешкой. Да бог с ней, с квартирой. Лишь бы все оставалось как есть: детские крики у двери в ванную, выражение насмешливой нежности на Володином лице, утренняя суета, легкий холодок при мысли, что опаздываешь на работу... Без большой квартиры она обойдется, а вот без этого всего – вряд ли.

– Да так... В пятницу меня Анна Викторовна зачем-то зайти просила. Я поднялась к ней, а у нее совещание. Верочка сказала, надолго. Пришлось идти домой... Интересно, чего она хочет?

– А чего обычно хочет начальник? Нагрузить подчиненного!

– Необязательно.

– А чего еще?

– Отчитать, похвалить, предупредить...

– Положим, отчитывать ей тебя не за что. Ты грамотный редактор и ответственный человек...

– Да ладно тебе, Володь...

– Подожди, я еще не закончил. Хвалить – это в наше время неактуально. Лучше пусть поощряет рублем. А предупреждать... – Он задумался. – О чем таком она может тебя предупредить?

– Вот об этом-то я и думаю.

– Да что у вас там может произойти! – резюмировал Володя, отодвигая недопитую чашку кофе и поднимаясь из-за

стола.

– Я забыла, что все мало-мальски значительные события происходят исключительно в твоём НИИ печатных процессов, – рассмеялась Ксения.

– А ты не забывай!

Муж наклонился и чмокнул ее в макушку. Через несколько минут за ним захлопнулась входная дверь, а на кухню уже вваливались двойняшки.

– Не тяни руки! Это мне мама покупает ванильный пудинг!

– А плохо тебе не будет?

– Не бойсь!

– Кирилл! – потребовала Ксения. – Девочкам нужно уступать.

– Зачем? – удивился сын.

– Ну потому что так... Так надо. Так принято...

– Где это принято? Может, у дебилов!

– Подавись ты своими пудингами! – Ника бросила на брата недобрый взгляд.

– Как ты разговариваешь, Вероника? Разве можно говорить такие вещи родному брату?! Шоколадный пудинг возьми, он не хуже.

– Ага, не хуже! Кофейная гуща с сахаром! Я буду ванильный пудинг, а шоколадный пусть жрет этот урод!

– Сама уродка!

– Скажи ему!

– Сказать? Ладно! Пудинги я заберу с собой на работу и съем в обеденный перерыв.

– Что – все?

– Лену угощу. Она меня все время подкармливает.

– Она просто подлизывается к тебе!

– Подлизываться ко мне ей нет никакого смысла! А вы ешьте бутерброды, и еще в сковородке осталась мексиканская смесь.

– Фу! Овощи с рисом!..

– Фу!.. Нельзя так говорить о еде!

– Мам, может, нас хватит воспитывать, а? – невинно поинтересовалась Вероника. – Лучше подкинь денег.

– Классная у вас дочурка, мам, – не остался в долгу Кирилл, – быстро усвоила: не учи меня жить – лучше помоги материально.

– Я помогу, – согласилась Ксения. – А вы помойте посуду.

– Мне в художку сегодня, – заныла Вероника. – Пусть он моет.

– Что?! Я должен мыть?! В доме две женщины...

– А не две посудомоечные машины!

– Сами договаривайтесь. Но чтобы посуда вечером была чистой. Идет?

– Идет... – буркнул Кирилл.

– Пока, мамулик.

Ксения положила руки на головы двойняшек, ощутив под пальцами правой жесткие прямые волосы дочери, а под ле-

вой – шелковистые кудряшки сына, – словно зарядилась их энергией на весь предстоящий день. Промурлыкала что-то ободряющее и помчалась на работу.

* * *

– Ксюш, здесь рядом кофточки интересные такие, посмотрим, а?

Это Лена Перелыгина. Она недавно в издательстве и в Москве. Осваивается быстро, как все провинциалки, демонстрируя чудеса цепкости и понятливости, но в то же время еще опасается сесть в лужу. В Ксении Лена видит проводника по тернистым столичным тропам, поэтому держится слегка искательно. В чем, в чем, а в наблюдательности двойняшкам не откажешь.

– Какие кофточки?

Ксения ошалелыми глазами глядит в монитор. Уже пять часов она глядит в него не отрываясь. Анна Викторовна удружила: срочная работа, кроме вас, Ксения Дмитриевна, никто не справится. Вы же у нас профи высшей пробы!

– Прикинь, она сверху – голубая джинсовая, – основательно рассказывает Ленка, – а от кокетки отрезная черная в крупный белый горох. Очень миленько!

– Зачем она тебе?

– Носить. Например, летом с голубыми джинсами. Прикольно!

– Так летом и купишь. Летом больше выбор.

– Летом цены другие. А сейчас распродажа – все по дешевке.

– Я тебе уже говорила: не стоит одеваться на распродажах.

– Ну пойдем посмотрим хотя бы... – канючит Ленка. – Там и на тебя кое-что есть. Клетчатые рубахи с широким черным ремнем, есть черные с белым, черные с красным, черные с зеленым...

– Пойду прикуплю черную с зеленым.

– Я серьезно, Ксень...

– Ладно, сходим. Уговорила. Чайку только попьем давай. Я пудинги принесла, ванильные и шоколадные. Выбирай.

– Мне все равно. Ты какой больше любишь?

Ленка уверена, что проявляет таким образом деликатность.

– Ванильный.

– Вот и ешь!.. О, у тебя телефон. А мы и не слышим, чайник старый – очень шумный.

Звонка мужа она не ждала. Да и голос у него какой-то напряженный, взволнованный.

– Что случилось, Володя?

– Да ничего не случилось! – раздражается он на ровном месте. – Я только спросить хотел, где у нас лежит свидетельство о собственности на квартиру.

– Что? Свидетельство о собственности? Зачем тебе?

– Нужно.

– Для чего нужно?

– Для получения кредита.

– Какого кредита? Володя! Ты вообще где?

– Не кричи. Я звоню из банка.

– Господи!

– Под наш бизнес-план можно получить кредит, но только под залог собственности.

– Какой бизнес-план? Какой собственности?

– Ну... например, квартиры.

– Да, но квартира пока еще моя собственность. Ты прописан у матери в Беляеве, так что...

– Вот именно! Там только часть моей собственности, а квартира на «Тимирязевской» целиком твоя.

– Подожди-ка!.. Слушай, я не хочу остаться без квартиры.

– Ну и зря! – совсем близко в трубке Ксения услышала шум проезжающей машины – значит, муж вышел из банка на улицу. – Без такой квартиры, как у нас, любой нормальный человек мечтал бы остаться. Если в обмен ему предложат, к примеру, домик в «Гринвуде».

– Ах, ты опять об этом!.. Нашел подходящее время! У тебя же конференция. Доклад. И потом...

– Где документы? – резко перебил муж.

Она опешила.

– Документы в компьютерном столе, но...

– Если что, оформишь на меня доверенность. Я с нотариусом подъеду. Ну все, давай. – И в трубке раздались корот-

кие гудки в трубке.

– Хочешь печенья? Я забыла, мне Мишка утром в сумку положил, когда я на работу уходила.

Мишка, то бишь Михаил Чабан, – Ленин муж. Тридцатипятилетний боевой офицер, ветеран Чеченской кампании, потерявший на полях сражений кисть правой руки. Он младше Ленки на три года, поэтому Ленка с утра до ночи объясняет ему, как надо жить и что нужно делать. Например, за продуктами нужно ездить в крупные супермаркеты. Час в один конец – ну да не беда, зато там дешевле. Однако в этих гигантах торговой индустрии легко напороться на некачественный или просто на несвежий товар – смотреть надо внимательно. К приезду из деревни Ленкиных родственников нужно резать салаты. Мебель в доме надо собирать своими руками, а если сломался унитаз, правильно будет его починить самому, потому что наемные сантехники делают все черт-те как и дерут при этом три шкуры. В случае чего нужно уметь установить новый. Чего тут сложного? Съезди на рынок, выбери унитаз подешевле и получше. Установка – ерунда, часа два работы.

В академии, где обучался израненный на фронтах воин, учиться нужно на одни пятерки. Иначе, не дай бог, сошлют черт-те куда, в какую-нибудь тмутаракань, а Ленкина цель – остаться в Москве.

Про печенье Ксения не знала в точности. Ленка ли его

научила, или он сам догадался, что жена на работе захочет есть.

– Ой, «Берлинское»! Мое любимое. Сто лет не покупала!

– Ешь на здоровье!

Лена водрузила пакет с печеньем на стол. Ей очень шло хлопотать у чайного стола – у нее были натуральные белокурые волосы и полные руки молочного цвета с нежно-розовым лаком на ноготках. Кажется, сядешь с такой женщиной чай пить, и произойдет с тобой что-то необыкновенное. В сказку попадешь! Вот Мишка и купился.

– Задумали чего, – начала Ленка, распечатывая стаканчик с пудингом. – Я тут послушала, ты уж извини... твой что, собирается брать кредит?

– Не знаю, чего он собирается.

Ксения махнула рукой. Не хотела она верить во всю эту чепуху с кредитом, не хотела касаться подробностей, пока еще не ясных ей самой. Да и признаться Ленке, что она не очень в курсе финансовых планов супруга, тоже казалось стыдным. Ленкин муж, понятное дело, все деньги до копейки отдавал жене и ни о какой финансовой самостоятельности не помышлял. Максимум, на что он мог рассчитывать, была выпивка с товарищами по академии.

– Ты это... поосторожнее...

– Да я понимаю.

– У нас вот Сугоняка, сосед по общежитию, связался тоже... Так Танька до сих пор выплачивает проценты. Прикинь! Они

даже развелись с ним, потому что алименты на детей не облагаются налогом. Так выгоднее.

– На что он кредит брал? – спросила Ксения.

– Торговлю стройматериалами хотел открыть. Ой, – Ленка иступленно затрясла розовыми пальчиками, – там такая конкуренция! Что ты! Не сунься! Его чуть не пришили. Хотя этот Сугоняка – дядя такой, два на два... А твой чего надумал?

– Мой вроде тоже стройматериалами, – сказала Ксения, проклиная Ленкину назойливость и свою мягкотелость.

– Запрети, – посоветовала Ленка строго.

– Да надо бы, – вздохнула Ксения. – Хотя мне трудно... Мне трудно будет ему запретить.

– Как это – трудно?

Ленка быстро и зло глянула на свою собеседницу, как будто выстрелила небольшими карими глазками. Не порохом, конечно, стреляла – какой-то смесью, состоящей из раздражения, презрения и насмешки. Ксении почему-то вспомнился Мишка – наверное, овладевая Ленкиной наукой, он тоже чувствовал на себе такие вот неприятные взгляды.

– Ну, он так хочет... Строит грандиозные планы...

Она отлично понимала, что говорит глупости, что на кон поставлено благополучие всей семьи, ее собственное и двойняшек, что Володины планы нужно душить в зародыше одним грозным окриком, а лучше одним взглядом, наподобие того, который только что продемонстрировала ей Ленка. Но

она не хотела ломать ему крылья. Пошлое слово «мечта» до сих пор было сопряжено в ее сознании с чем-то высоким и прекрасным... Мешали, одним словом, предрассудки.

Другое дело, что признаваться Ленке в своем увлечении предрассудками тоже никоим образом не следовало.

– Ксень, ты обалдела?! Я те о чем говорю?! Пойми, фигня все это и никаких стройматериалов! Знаешь, чем все кончится? Он сейчас уволится с работы, через пару месяцев прогонит его бизнес. Он с горя начнет пить, а ты будешь платить по кредитам, брать домой редактуру, работать по ночам, ругаться с ним до посинения... Охота тебе?

– Неохота.

– Ну а тогда в чем дело?

– Да ни в чем. Конечно, я скажу ему... Там все не так просто. Нужен кредит под залог квартиры, моей квартиры. Стоит мне отказать – и все.

– Ну и правильно! Откажи! – Ленка удовлетворенно облизала крышечку пудинга. – Идем в магазин, померишь рубаху. Черную с красным – тебе пойдет.

– А по-моему, черная с белым лучше.

– Спорить с тобой не буду. Ты девушка столичная, у тебя вкус, – мягко проговорила, почти пропела, Ленка, собирая со стола чайную посуду.

Домой Ксения вернулась в той самой рубахе – черной в красную клетку. Примерила и не захотела снимать в магази-

не. Ленка бегала вокруг, суежилась:

– Вау, как классно! Супер какой! Села – прямо по фигуре. А расцветка – просто отпад! Если с черными узкими джинсами...

Но Ксения находила, что с черными джинсами-трубочками рубаша будет смотреться вычурно, а вот с офисными темно-серыми брюками, которые в данный момент и были на ней надеты, – в самый раз. Эффектно, но без пафоса. На том и порешили.

Новая вещь не то чтобы успокоила Ксению – скорее радость от покупки потеснила гнездившуюся в сердце тревогу, загнала ее глубже вовнутрь. Но когда, отпирая дверь, она услышала незнакомые шаги в прихожей, тревога вмиг подняла голову.

– Ну здравствуй, Ксюха, дорогая! Сколько лет, сколько зим!

– Привет, Апельсинцев!

Она удивилась без меры, увидев Лешку Осинцева – старого Володиного приятеля, непринужденно расхаживающего по ее дому.

С Лешкой ее муж учился в институте, Лешка был свидетелем на Володиной и Ксюшиной свадьбе. Вскоре он тоже женился. Потом развелся. После развода подался в Арабские Эмираты – на заре демократической эпохи это считалось верхом крутизны.

Лет через пять вдруг пришло известие: Осинцев руково-

дит разработкой нефтяного месторождения где-то в Сибири. Наконец, полгода назад ей позвонила Соша Прудникова, жена их третьего приятеля Витьки, и сообщила, что Осинцев теперь – коммерческий директор сети гинекологических клиник. Откуда она узнала? Да очень просто – тесен мир! Поехала с младшей сестрой подписывать контракт на ведение беременности, и кто, ты думаешь, меня встретил? Он самый, Осинцев-Апельсинцев. Как известно, от осинки не родятся апельсины, поэтому в студенческие годы Леша любил повторять, что намерен переименоваться в Апельсинцева. Редкая вечеринка в те времена не обходилась без подобных заверений.

– Ну что, фамилию сменил, наконец?

– Увы-увы! – Лешка уставился на Ксению с ясной улыбкой, предоставляя ей таким образом возможность рассмотреть себя – сорокалетнего красавца мужчину. – Грехи мои тяжкие! А ты, Ксюха, все хорошеешь!

Лешка находился в состоянии легкого подпития, ему хотелось красиво говорить и делать комплименты.

– Давненько тебя не было видно... А можно узнать, чем обязана?

– Ну, дорогая, ты даешь! Гостеприимная хозяйка!

– Неужто заскучал, вспомнил старых друзей? – Недоверчиво улыбнувшись, Ксения прошла в комнату и тут снова замерла в удивлении.

Пока она до боли в глазах выполняла неотложное поруче-

ние Анны Викторовны и шлялась с Ленкой по магазинам, в ее жилище произошли существенные перемены.

Обеденный стол-книжка, пылившийся в углу за платяным шкафом, был извлечен из небытия, водворен в центр, застелен голубоватой льняной скатертью и хаотично заставлен блюдами со всевозможными закусками. В центре стола, на почетном месте, Ксения заметила икру и белую рыбу.

Надо всем этим изобилием восседал ее муж Володя. Последним штрихом жанровой сценки была початая коньячная бутылка, стоявшая в непосредственной близости от благоверного.

– Ну? И по какому случаю пьянствуем? – спросила Ксения.

Одного беглого взгляда ей было достаточно, чтобы определить: опьянение у Володи качественно иное, нежели у Лешки. Апельсинцев, судя по всему, выпил на радостях, а Володя выглядел растерянным, даже мрачным, казалось, он пьет, чтоб забыть о чем-то тяжелом и неприятном.

– По поводу того... В общем, о чем мы с тобой вчера говорили.

– Что говорили?

– Не прикидывайся! – Муж неожиданно вспылil. – Вчера мы решили, что пора начинать новую жизнь.

– Новую жизнь? В каком смысле?

– Сменить работу, дом, среду... Все, одним словом! – Он даже стукнул кулаком по столу, но при этом чувствовалось,

что он чем-то сильно обеспокоен, смущен.

– А сейчас ты обмываешь это оригинальное решение? Осинцева где-то выкопал...

Лешка будто ждал, чтоб о нем вспомнили. Вернулся в комнату, уселся за стол, затараторил:

– Что ты, Ксюха, честно слово, как не родная? Садись с нами, выпей. Грандиозный ведь проект намечается!

– Какой проект?

– Наш с Владимиром коммерческий проект! – объяснил Осинцев напыщенным тоном.

– Тот самый, на который вам понадобились деньги?

Ксения догадалась: беседа входит в переломную фазу. Сейчас она остудит их пыл – спокойно объяснит, что не собирается поддерживать сомнительное предприятие. Конечно, муж огорчится, будет ее упрекать, попробует разжечь воображение сценами из красивой жизни: вилла, яхта, лучшие курорты. Но она не даст себя уговорить – последует Ленкиным советам. Зато потом Володя первый скажет ей спасибо.

Но, как это ни странно, дело приняло другой оборот.

– Я только что узнал, что вопрос с деньгами разрешен благополучно, – продолжал Осинцев тоном конференсье.

– Как? – не поверила Ксения.

– Банк «Форс-мажор» готов финансировать наши начинания. Причем они предлагают вполне терпимый процент.

– А вы?.. Что вы предлагаете им взамен?..

– Безукоризненную репутацию коммерсанта! – ответил

Осинцев гордо, наливая ей коньяка в неизвестно откуда появившуюся рюмку.

– Не густо.

– Такие вещи особенно ценны в деловых кругах, Ксенечка. Ты просто не в курсе.

Ксения внимательно посмотрела на друга юности, и он уже не показался ей таким вальяжным и респектабельным, как в прихожей. Годы неустроенности, скитаний оставили на нем свой отпечаток, и эта потрепанность плохо вязалась с безупречной репутацией.

– Ну хорошо. А в чем, собственно, заключается ваш проект? Что вы собираетесь делать?

– Мы собираемся осуществлять коммерческую деятельность, – декларировал Осинцев, как будто он представлял в ООН интересы маленького, но гордого государства.

– То есть, попросту говоря, займетесь торговлей.

– Не только. Коммерческая деятельность – это и посреднические, и информационные услуги.

– Я знаю. Когда регистрируют предприятие, в устав стараются запихнуть все подряд. Но что вы собираетесь делать конкретно?

– Ну чего ты пристала, как прокурор? – мягко возмутился Лешка. – Лучше выпей за наши успехи. Вот так-то!.. Пойми же, наконец, для кого он, – Осинцев кивнул на Владимира, – связывается в это!.. Чудачка! Для тебя! Чтоб ты в этом своем издательстве не кисла! Чтоб жила, как заслуживаешь того...

– Интересно... – Ксения растерянным взглядом обвела хорошо знакомую комнату, задержалась на Лешкином и Володином лицах – после мирного трудового дня рюмка коньяка окрасила мир вокруг мягкими, нежными красками. – Интересно, а какой жизни, по-вашему, я заслуживаю?

– И ты еще спрашиваешь? – Лешка восхищенно глянул на нее, разливая коньяк. – Сегодня вошла – я сразу понял: идет королева.

– А как живут королевы?

– Сама узнаешь скоро. Ну – за тебя!

Жизнь королевы так и осталась для нее тайной за семью печатями. Другое дело – жизнь бизнесменши средней руки. (Бизнесменша – это жена бизнесмена. Женщина, занимающаяся бизнесом, – бизнесвумен.)

Очень скоро, а именно в конце лета, из родной двушки на «Тимирязевской» Ксения переехала в упоминавшийся уже поселок «Гринвуд». Новый дом стоил восемь с половиной миллионов. На первый взгляд, он был именно таким, как обещала реклама: с ванной, гостиной, фонтаном и садом.

Но вскоре выяснилось, что в доме много недоработок и недоделок. Вот тогда-то впервые и встал вопрос о том, что ходить в издательство Ксении больше незачем.

– Сиди дома, занимайся детьми, – распорядился муж по обыкновению хмуро, он вообще в последнее время все больше и больше хмурился.

– Детьми или строительными недоделками?

– Заодно и дом приведи в порядок. Видишь, мне некогда, я работаю.

– Я тоже работаю.

– А зачем? Давно хотел спросить: для чего ты ходишь на работу? Чего тебе не хватает?

– Работы как раз-то и не хватает. Общения, новых рукописей... Не знаю, еще чего.

– То-то и оно, что не знаешь. А дом в порядок Пушкин будет приводить?

– Лермонтов!.. Ну хочешь, я отпуск возьму.

– Только не отпуск! В отпуск мы с тобой в Мексику отправимся.

Кончились эти разговоры тем, что она стала работать на полставки. Анна Викторовна не одобряла таких перемен:

– Ксения Дмитриевна, кто работать-то будет вместо вас? На кого вы нас оставляете?

Ленка, казалось, искренне радовалась Ксениному счастью.

– Деньги у тебя есть, отдыхай, живи в свое удовольствие! Только совсем увольняться не спеши, мало ли как у него там бизнес повернется. Да и вообще...

Злые языки утверждали, что часть Ксениной работы Анна Викторовна отдает теперь Ленке и радуется Ленка своему растущему благополучию, а вовсе не позитивным переменам в жизни коллеги.

Но какая разница? Важно, что вместо любимой и хорошо знакомой редакторской работы Ксения занималась теперь напором воды в ванной, состоянием электропроводки и подбором тротуарной плитки.

Только не подумайте, что все это Ксения делала своими руками! У нее был помощник по хозяйству – молдаванин Семен. Жена Семена – красивая Каролина – убиралась в доме и присматривала за детьми.

В свободное от ремонтных работ время Ксения пробовала свои силы на кухне. При прежнем режиме на кулинарные изыски не хватало времени и сил, зато теперь кулинарные книги, вырезки и просто наскоро записанные от руки рецепты оказались весьма кстати.

Ей нравилось готовить. А еще ей хотелось поддержать мужа. В последнее время он часто был чем-то расстроен, на вопросы отвечал односложно, иногда невпопад. Точно не слышал, о чем она его спрашивает. Поэтому спрашивать Ксения старалась поменьше – что толку раздражать человека. Больших неприятностей он не сможет от нее скрыть, а мелкие... Что ж, Володя заботится о ней, не хочет огорчать. Это очень мило, тем более в теперешнем – непростом, по всей видимости, положении.

В новых хлопотах незаметно пробежал год.

В тот день Володя должен был приехать как обычно – в семь вечера. Ксения особенно расстаралась. На первое му-

жа ждали щи с парной говядиной, на второе – котлеты по-киевски с картофелем фри. На десерт – фрукты и любимое Володино кьянти.

Но время шло, а Володя все не появлялся. Да мало ли какие дела могли вдруг возникнуть, успокаивала себя Ксения, бизнес – дело непредсказуемое. Такое уже случалось не раз. Однако когда стрелка часов перевалила за девять, Ксения растерянно присела к столу и набрала Володин номер. После томительной паузы она услышала:

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа сети...»

– Ничего-ничего, – вслух произнесла Ксения, – сейчас придет, и мы будем ужинать.

Но предчувствие настойчиво твердило ей что-то недоброе. Да нет же, нарочито громко, словно протестуя, вздохнула она.

Ей припомнилось сегодняшнее утро. Володя уже на пороге в дорогом костюме с лаковым портфелем прощался с ней.

– Во сколько тебя ждать? – зачем-то спросила Ксения. – Как обычно, в семь?

– Как всегда, – улыбнулся супруг, зазвенел ключами от машины, чмокнул ее в щеку и исчез за дверями.

Сейчас Ксения поняла, что ее с утра не покидает тревожное чувство.

А вдруг... вдруг Володя попал в аварию?! – мелькнуло в голове. Ксения взяла телефон, собираясь куда-то звонить, но

тут же подумала: тогда бы они сами позвонили. Да кто они? Врачи... милиция...

И тут телефон в ее руках затрезвонил. В первый момент Ксения остолбенела. Но, справившись с собой, она поднесла трубку к уху.

– Да?.. Я вас слушаю... – непослушными губами произнесла она.

– Ксения, ты слышишь меня? Это я, – сказал Володя.

– Да, я тебя слушаю, – как из тумана подтвердила Ксения.

– Я буду говорить кратко.

– Что-то случилось, Володя?

– Случилось, но это теперь уже не важно, – сказал муж странно глухим голосом. – Слушай меня внимательно.

– Скоро приедешь?

– Нет, не скоро. Ты слушай и не перебивай.

У Ксении застучало сердце и зазвенело в ушах.

– Не скоро?

– Я вообще не приеду. Мне сейчас нужно срочно исчезнуть. Меня уже ищут. Естественно, заявятся к тебе. Ты скажешь им: ушел в контору утром и не вернулся. А где он теперь – не знаю.

– Но я вправду не знаю... и не понимаю ничего.

– Не перебивай меня! У меня крайне мало времени. Сейчас я скажу тебе, где я предположительно буду и когда. Запоминай с первого раза и не переспрашивай. Через пять дней буду ждать тебя в том самом кафе... Поняла, нет? Ну, в ко-

тором тебе понравилось еще тогда...

– Это в каком?.. – вконец растерялась Ксения. – «У трех застав»? Там? Нет?

– Ай, ё-моё! За каким ты произнесла его наз-ва-ние?! Нас же прослушивают! Ну и ну!.. Неужели ты ничего не поняла до сих пор?!

– Поняла, – чуть слышно пролепетала Ксения.

– Тогда вот что, встретимся через семь дней в фойе ресторана, в котором мы были с тобой, когда вернулись из Мексики.

– Из Мексики?

– Именно, из нее, – раздраженно подтвердил муж. – И в то же самое время!.. Или нет – на два часа позже. Усекла? Все, время мое вышло...

– Володя, подожди!..

Но в ответ Ксения услышала короткие гудки.

Поначалу Ксения ждала мужа. Ей казалось, Володя обязательно вернется домой. Однако минула неделя, а он так и не объявился. Даже не перезвонил. Детям решила пока ничего не говорить, отец, мол, срочно отбыл в командировку.

Встреча была назначена на шесть часов вечера, но Ксения начала собираться с самого утра. Она волновалась. Тревога, не покидавшая ее последние дни, разрослась до чудовищных размеров.

Она судорожно перерывала гардероб в поисках того само-

го платья. Ей казалось, что нужно одеться непременно так, как она была одета тогда, в день их возвращения из Мексики.

Наконец, Ксения нашла его. Она выволокла на свет невестомое платьице на бретельках. И тут же нервно расхоталась. Из Латинской Америки они прилетели ровно полгода назад. И тогда было лето. Зной Гвадалахары сменился московской духотой. А сейчас поздняя осень, почти зима.

Когда за окнами за вечерело и комнату начали наполнять сумерки, ждать стало невыносимо. Ксения поехала на встречу.

Заветный ресторан находился в центре Москвы, в переулках возле Покровского бульвара.

Она оставила машину в двух кварталах от ресторана.

Ксения сама не знала для чего, но чувствовала: сейчас нужно действовать именно так – конспиративно.

До встречи с Володей оставалось сорок три минуты.

Она осмотрелась. Темные переулки были пусты. На оледенелые мостовые моросил мелкий дождь. Тускло горели фонари да редкие окна. Как ни странно, такая картина ее ободрила. «Сейчас я увижу Володю, – вдруг подумала Ксения, – и мои тревожения останутся в прошлом. Он, как всегда в безупречном костюме и благоухающий дорогим парфюмом, на все ее вопросы лишь небрежно улыбнется, махнет рукой и скажет:

– Бизнес – штука непредсказуемая. За это я и люблю его... И тебя, – прибавит он».

Из ресторана они уедут домой вместе. А тяжелые переживания последней недели забудутся как страшный сон.

«Наверняка Володя уже там и ждет меня» — эта мысль заставила Ксению поторопиться, и она ускорила шаг.

За поворотом показался ресторан. Сквозь дождевую мглу он мерцал всеми окнами первого и второго этажей. Около ресторана было припарковано несколько чужих машин. Володино «бентли» среди них не было. На Ксению вновь накатила паника.

«Еще очень рано, — успокоила она себя, — до назначенного времени целых двадцать три минуты. Но скорей всего, Володя уже ждет меня, просто шофер его отъехал по каким-нибудь срочным делам».

Ксения открыла тяжелую дверь и очутилась в полутемном холле. Гардеробщик поклонился ей и бережно принял ее шубку. Ксения остановилась перед зеркалом поправить прическу и не узнала себя. Из темноты на нее смотрело жалкое перепуганное личико.

Боже мой, охнула она и начала торопливо подниматься по ступенькам.

В зале ресторана сидело несколько человек. Столик у окна — тот самый, за которым они с Володией ужинали в день приезда из Мексики, — был пуст.

Близоруко сощурившись, Ксения торопливо оглядела присутствующих. Володи среди них не было. Рядом с ней замерла официантка. Ксения обреченно раскрыла кожаную

папку меню.

«А вдруг Володя сегодня не придет?! – мелькнуло у нее в голове. – Нет-нет, такого быть не может».

Однако мысленно она пересчитала деньги в своем кошельке. Сто с чем-то рублей.

– Мне, пожалуйста, салат с брынзой и оливками. И чашечку кофе.

Официантка не уходила.

– Пока все, – уткнувшись в меню, уточнила Ксения.

Она с детства ненавидела брынзу, но брынзовый салат здесь стоил, кажется, меньше всех других блюд.

Официантка удалилась за салатом.

Посреди зала наперебой щебетали, по временам возбужденно вскрикивая, две подружки. Они никого не ждут, ни за что не волнуются и не замечают никого кругом – встретились, чтобы поболтать в спокойной обстановке.

В самом углу сидели двое молодых мужчин. Они вполголоса спорили, приводя веские аргументы, о достоинствах чьей-то крейсерской яхты. Одеты они были в мягкие свитера, под которыми чувствовались мощные торсы и накачанные бицепсы.

Ксения украдкой глянула на часы. Уже начало седьмого. А Володи все нет!

Вернулась официантка с брынзой и кофе.

Наискосок от Ксениного столика сидел, наверное, репортер. Она так решила по его чудаческому виду: отросшие жел-

то-пегие кудри падали на лоб, не менее странно вы глядели усы такой же окраски. На репортере был клетчатый пиджак не первой свежести. Низко склонившись над тарелкой, репортер хлебал суп.

Ксения заставила себя прожевать кусочек ненавистой брынзы и сразу запила ее кофе. Уже почти половина седьмого. Где же Володя? Может быть, попал в пробку. Сейчас дверь распахнется и... все разрешится.

Между тем репортер доел суп и принялся бросать на нее откровенные взгляды.

«Вот еще! – Ксения мгновенно сделала строгое лицо. – За кого он меня принимает? Сижу одна в ресторане, вечером, да? Но ничего, сейчас придет Володя, и все встанет на свои места».

Ксения старалась не смотреть в сторону репортера, однако краем глаза она видела, как этот мерзкий тип придвинул к себе стакан чаю, шумно отпил из него и принялся подавать Ксении какие-то неприличные знаки.

Ну это уж слишком! Она гневно повернулась к репортеру, желая таким образом остудить похотливый репортерский пыл... И остолбенела.

В сальном типе она неожиданно узнала Володю. Ксения раскрыла рот, чтобы позвать его, но «репортер» вдруг сделал жуткое лицо. Это было похоже на страшную сказку.

Она не замечала, как молодые мужчины в углу прекратили спор про яхты и очень внимательно смотрели на нее. «Ре-

портер»-Володя продолжал подавать непонятные знаки выпученными глазами. Ксения не выдержала и заплакала:

– Володенька, что с тобой?!

Молодые люди как по команде поднялись и шагнули к ее мужу. Рука того безжизненно упала в карман пиджака.

И тут случилось невообразимое.

Володя вдруг вскочил и прерывающимся голосом выкрикнул:

– Ни с места!.. Стоять!

В руке его блеснула вороненая сталь пистолета. Он медленно пятился к выходу, держа под прицелом двух молодых мужчин. Те замерли, напряженно глядя в пистолетное дуло. Внезапно он споткнулся. Официантка выронила поднос с едой, загрохотавший африканским гонгом.

– На пол всем, я сказал! – Голос Володи дрожал, рука с пистолетом бешено плясала. – Я сказал – на пол!

Молодые люди стали медленно оседать.

Володя дотянулся до лестницы.

– Три минуты лежать! – просипел он и опрометью бросился вниз по ступенькам.

Молодые люди разом вскочили и кинулись вдогонку.

Внизу хлопнул выстрел... потом еще... Что-то упало. Стукнула входная дверь, и все стихло.

Всхлипывая, официантка собирала битую посуду.

Ксения поднялась и направилась к выходу. Волнение и страх сменило тупое безразличие ко всему.

Она беспрепятственно покинула ресторан и побрела к своей машине.

– Ника, собери вещи. Мы завтра уезжаем.

Вероника сидела за письменным столом и рисовала мультяшные рожицы. На подростковом наречии они назывались непонятым Ксении словом «аниме». От прилежания дочь даже язык высунула. А казалось бы, чего тут сложного? Ведь все одно и то же, на один манер. Круглые, словно в удивлении раскрытые глаза, резко очерченные пряди волос, мини-юбочка и ботинки почему-то высокие на шнурках, подчеркивающие ноги-тростинки.

Сначала Ника до посинения вырисовывает этих куколок, потом так же старательно воплощает свои художества в жизнь.

– Уезжаем? Мам, что за ерунда?..

Ксения молчала, соображая, как лучше растолковать дочке, какая ерунда приключилась в их семействе, а Ника продолжала болтать, изображая складки на мини-юбке очередной анимешки:

– Слышала, в «Подземном городе» распродажа... Платье-баллон всего одиннадцать тысяч, а было шестнадцать с копейками...

– У тебя уже есть платье-баллон.

– Белое! Я в нем как невеста! Как дура!..

– Если как дура, нечего было покупать.

– Это сейчас я как дура, а летом белое – самое то... Ты, кстати, куда хочешь ехать? В Египет? В Тунис?

– Ты не поняла, Вероника. Мы переезжаем. На старую квартиру.

– Отстой, мам! – Ника отшвырнула карандаш и резко обернулась к матери. – Чего мы там забыли?

– Я бы не так ставила вопрос.

– Мам, ну пожалуйста! Ты можешь по-человечески говорить?

– Что тебя не устраивает? Ты уже большая – шестнадцатый год. Представляешь, наверно, что жить в «Гринвуде» дорого.

– Зато прикольно! – Ника схватила с кушетки громадную желтую подушку, сшитую в форме сердца, и подбросила ее вверх. – У меня здесь собственная комната. И гардеробная. И бассейн. А в старой квартире у нас шкаф был один на двоих и Кирка вечно запихивал куда попало мои вещи... нет уж, мамочка, никуда я не поеду.

– Ну послушай, девочка моя, – вздохнула Ксения виновато. – Если бы все в этой жизни зависело от наших желаний...

– Да? Значит, от наших желаний ничего не зависит? – Ника пересела на кушетку рядом с матерью и строго заглянула ей в глаза. – От моего желания? От Киркиного? Так?..

– Ну в данной ситуации так.

– Значит, все зависит от твоего желания?

– Почему от моего, Ника?

– Потому что ты решила бросить папу и прихватить нас с собой, как бессловесных животных! Так учти: никуда мы не поедем! Нам и здесь хорошо.

Ксения горько усмехнулась:

– Дело совсем не в этом, дочь.

– А в чем же тогда?

– Знаешь пословицу такую: по одежке протягивай ножки? Это о нас. Мы больше не можем оплачивать жизнь в «Гринвуде». Платить за землю, за охрану, за коммунальные услуги, помощникам по хозяйству... Ну я не знаю, на это уходят тонны денег – целое состояние!

– Странно!.. – произнесла Ника не спеша. – И с чего это ты стала рассуждать про деньги? Сама же говорила недавно: всем, что у нас есть, мы обязаны папиному бизнесу, а ты в своем издательстве...

– Вот именно! Я в своем издательстве зарабатываю копейки, и поэтому нам придется переехать на старое место.

– Подожди-ка! Но ведь этот коттедж наш все равно! Живем мы в нем или нет – платить рано или поздно придется.

– Ты права, – вздохнула Ксения. – Коттедж – папина собственность, и когда-нибудь он за него заплатит.

– Папа? – осторожно уточнила притихшая вдруг Вероника. – А мы тут, значит, ни при чем?

– У папы, – Ксения запнулась, – у папы сейчас кое-какие проблемы...

– Не парь мне мозги! – рассердилась девочка. – Говоря

по-нормальному, папа бросил нас?

– Ника, нет в русском языке такого слова – «по-нормальному».

– Это мне по барабану!.. Ты не ответила на мой вопрос.

– Дурочка ты у меня, дурочка! – Как ни горько было у нее на сердце, Ксения все-таки рассмеялась и поцеловала дочь. – Насмотрелась глупеньких сериалов. То я уйду к другому, то папа решил бросить нас!..

– Значит, он поедет с нами на «Тимирязевскую»?

– Может быть.

– А может и не быть?.. – Ксения молчала. – Ой, да не хочешь говорить – не надо. Я сейчас сама папе позвоню... Ну вот, опять недоступен! Мам, что случилось? Ты можешь объяснить без понтов?!

– При чем здесь понты? Я скоро перестану понимать твой русский... У папы проблемы с бизнесом. С деньгами. Ему пришлось уехать...

– И бросить нас без гроша! – закончила дочка. – Поздравляю!

– Во-первых, – сказала Ксения строго, – запомни: папа нас не бросал. Повсюду только и говорят про кризис. А у них молодое предприятие... нераскрученное... – Она не знала, что еще сказать в оправдание мужа. – Все так неудачно совпало... В общем, папа оказался в очень неприятной ситуации... И не говори, что он бросил нас!

– Ну допустим, с папой все ясно! Бизнес не катит, фишка

не прет... А дядя Леша? – не унималась Вероника.

Боже, как же ей не пришло в голову позвонить Апельсинцеву?! Он-то наверняка знает что-то.

– Дядя Леша сейчас в такой же ситуации, как твой отец!

– Уж не знаю, что ты называешь такой же ситуацией, только Герка написал мне «В контакте», что отец покупает им с матерью хибару на Рублевке.

Гера был сыном Апельсинцева от первого, распавшегося брака. Второго брака как такового не существовало, поэтому прежнюю семью Лешка не только поддерживал материально, но и предпочитал держать в поле зрения. В свое время он купил для них домик в «Гринвуде», по соседству с собой. Теперь вот на Рублевку решил переселить. Значит, и сам туда переедет вскоре.

Ксения остолбенела.

– Алло! Леш, привет. Это Ксения.

– А я не Леша!.. Вы ошиблись, девушка.

– Извините... Но у меня этот номер закодирован как телефон Алексея Осинцева. И я уже звонила по нему несколько раз...

– Да вы хоть по голосу понимаете, что я не Леша?!

– Ой... конечно, извините.

– Ничего, – смилостивились в трубке. Голос принадлежал молодой, уверенной в себе женщине.

– Значит, теперь этот номер ваш?

– Нет, это по-прежнему номер Осинцева. Он улетел на несколько дней в Европу, оставил дома этот аппарат. Если будет что-то важное, просил переадресовывать. Вы можете передать информацию для него.

– Я хотела наоборот... Не передать.

– А что же?

– Получить... Получить информацию. Я жена его компаньона, Владимира Костромина, и мне нужно спросить...

– Никогда у Алексея Сергеевича не было такого компаньона, – спокойно перебила невидимая собеседница.

– Как это не было?!

– Очень просто! Мы вместе два года, и я в курсе его дел.

– Значит, вы не в курсе!

– Не надо нервничать, девушка! Я сейчас перезвоню Алексею Сергеевичу, если что-то узнаю, сообщу вам. Номер определился.

– Да, пожалуйста, перезвоните.

– До свидания.

И сразу стало ясно, что она не перезвонит. Осинцев найдет себе дело поинтереснее и поважнее, чем успокоение жен всяких там неудачников. Ксения уже не сомневалась, что в бизнесе ее мужу фатально не везло. Так же фатально, как везло в науке.

Тогда почему же он так легко бросил науку? Серьезно прельстился жизнью в «Гринвуде» и путешествиями в Мексику?.. Не может быть!

Недавно он обмолвился, правда, что подался в бизнес не без влияния Апельсинцева. Оказывается, Лешка давно писал Володе в «Одноклассники», предлагал реальные коммерческие проекты, один соблазнительнее другого. А тут еще этот Владилен поспособствовал личным примером... И вот теперь неизвестно, что ждет их впереди.

Да что же ждет их, наконец? Разорение, утрата бизнеса, не дай бог – долги... До сих пор Ксения боялась думать об этом. Только видно никуда от этих мыслей не денешься...

Итак, они вернутся в старую квартиру. Двойняшки – в пятнадцатиметровую комнату, на двухъярусную кровать. Ника забьет шкаф платьями от Киры Пластининой – они покупались в расчете на гардеробную, шкаф не выдержит такого богатства.

– Ерунда, – сказала она вслух. – Думать сейчас надо не об этом. Шкафы, кровати – не в этом ведь жизнь.

Да, жизнь в другом... Надо идти работать. То есть явиться к Анне Викторовне на поклон и объяснить все от печки. Анна Викторовна не бросит, конечно. Но ведь и она не все-сильна. Анна Викторовна – не Господь Бог, а только добрый, сердечный человек. К тому же со связями в издательском мире. Может, халтурку какую подкинет... В общем, проживем как-нибудь.

Значит, все как раньше? Утренняя суета: двойняшки – в школу, она – в издательство. Споры о том, кто первым пойдет в ванную и кому сегодня посуду мыть... Стоп, а Володя?

Ксения уже плохо помнила, как ей жилось без Володи или, точнее, до Володи.

До Володи она была худенькой девочкой: глазки-вишенки, щечки-клубнички и смех – несмолкающий серебряный колокольчик.

Однажды поздним вечером это девятнадцатилетнее чудо природы ехало на эскалаторе и по обыкновению заливалось смехом. И вдруг смех прекратился – Ксения почувствовала на себе незнакомый взгляд.

На нее часто смотрели с умилением, или с восторгом, или с просто с повышенным вниманием. А тут... Это был взгляд хищного зверя, выбравшего себе жертву.

И этот зверь – тщедушный мужчина в поношенном, но аккуратном костюмчике и такой же белой рубашке – типичный маньяк со стенда «Их разыскивает милиция», проследовал за ней по метрополитену и, что уж совсем ужасно, запрыгнул в ее троллейбус у метро.

К родной остановке Ксения подъезжала, как к Голгофе. Сейчас она выйдет из троллейбуса – в абсолютное безлюдье и темноту, а опрятный коротышка вновь последует за ней... Дальше воображение отказывалось работать. Просто из самой глубины существа зловеще полз вверх арктический холод. Она в смятении поднимала глаза, неизменно сталкивалась с ледяным взглядом коротышки, и ей становилось еще холоднее.

Выходя из троллейбуса, Ксения не чувствовала под ногами земли. И вдруг совсем близко от остановки она увидела Человека. Он быстро шел наперерез ей в направлении шоссе... Только ее не интересовало, в каком он идет направлении! Он, этот Человек, был для нее последней соломинкой, за которую она не могла не уцепиться!

– Проводи меня, – попросила Ксения непослушным от страха языком.

В ответ он не сказал ей ни слова – лишь изменил направление движения, довел ее до дома, до подъезда... Она давно забыла про опрятного маньяка, который не отважился больше следовать за ней ввиду атлетической фигуры сопровождающего ее Человека.

Кстати, Человек этот оказался не только атлетически сложен, он был еще и хорош собой. По крайней мере, Ксении тогда показалось так. Крупные черты лица, мягкие вьющиеся волосы, спокойствие и некоторая индифферентность.

Индифферентность не то чтобы обидела, но как-то раззодорила Ксению. От воздыхателей отбоя нет, только и спрашивают: адресок, телефончик... А этот вообще ни слова, да еще при таких пикантных обстоятельствах.

– Наверное, он решил, что никто за мной не гнался. Что я просто так – приключений ищу, – сказала Ксения подруге.

– И ему это очень не понравилось?

– Может быть. Он такой серьезный. Про таких еще говорят: «положительный».

– А вдруг это был твой ангел-хранитель? – предположила весело подруга. – Зачем ему твой телефон? Он и так все знает о тебе, надо будет – позвонит.

Они по обыкновению посмеялись и понемногу стали забывать серьезного молодого человека. А когда забыли окончательно, он объявился сам.

Стоял конец августа. Погода была пасмурной и дождливой, но в середине дня вдруг начался дикий солнцепек. Ксения ездила за учебниками в университет. Отстояла двухчасовую очередь, потом тащилась с сумками по метро, с трудом вошла в троллейбус и кое-как преодолела путь от остановки... Шла вспотевшая, растрепанная, и вдруг у подъезда кто-то окликнул ее:

– Это вы?

Она не обратила внимания – прошла мимо. Не до сантиментов ей было с этими проклятыми учебниками!

– Подождите! – Он подошел и слегка коснулся ее руки. – Это же вы! Я вас провожал тогда до дома... в июле... Вам еще казалось, что за вами кто-то гонится.

– А мне не казалось! – Красная от смущения и жары Ксения поставила сумки на асфальт и поправила выбившуюся из прически прядку. – Просто он вас испугался и дальше поехал на троллейбусе. Знаете, страшный какой?

– А меня вы не испугались?

– В каком смысле?

– Могли ведь от волка на медведя попасть.

– Ой, правда!.. А я об этом и не думала. Знаете, как мне было страшно? Я думать вообще не могла.

– Я видел. Кстати, меня зовут Володя.

– А я Ксения... – И засмеялась: – Как ты долго шел ко мне, Володя!..

– Так получилось. На следующий день я уехал в горы. А потом несколько раз заходил, тебя не было.

– Ты, наверно, живешь неподалеку?

– В Беляеве. Сюда час добираться плюс-минус десять минут.

– Значит... ты хотел увидеть меня еще раз? – уточнила Ксения, растаяв.

– Вообще-то у меня друг на Дмитровке живет. Но тебя мне тоже видеть хотелось.

– Вот как?.. Ну что ж, тогда пойдем ко мне пить чай. Мама варенье абрикосовое сварила. Заодно и учебники поможешь донести.

Через два года они поженились. За это время она успела так привязаться к Володе, что жизни своей не мыслила без него. Он был лучшим в мире собеседником, самым эрудированным и остроумным, дарил смешные и милые подарки, сладости и восхитительные букеты. С ним она впервые поехала в горы, ходила на концерт группы «Кино», заглянула в монитор компьютера... Много чего она в первый раз проделала вместе с ним.

Завершилась эта цепь первооткрывательств красивой свадьбой и путешествием в Юрмалу.

После возвращения из Юрмалы они поселились в квартире Ксении. Мама, чтобы не мешать счастью молодых, переехала к сестре в подмосковный Дмитров.

Отсюда, из разоренной сборами спальни, та молодая жизнь вдвоем представилась ей тихой и радостной. Иногда к ним приходили гости. Друзей у Володи было немного, но это были настоящие друзья, а не случайные приятели. И все у них тогда было настоящее: и дело, и дружба, и любовь.

В те годы ее муж был страстно, беспредельно увлечен наукой. На все остальное: житейские мелочи, бытовые неурядицы – он попросту не обращал внимания, и все в конце концов улаживалось само собой.

Даже рождение двойняшек по большому счету несильно изменило их привычный уклад. Дети подрастали, даря родителям новые радости и заботы. Но это она так воспринимала их тогдашнюю жизнь. А муж?

Возможно, все происходящее с ними он видел по-другому. Или же его взгляд на их жизнь постепенно менялся... Когда это случилось? Когда он объявил о намерении заняться бизнесом? Или раньше, когда решение еще вызревало в недрах его существа?

Свои планы он скрывал до последнего – и вдруг сказал, что уходит в бизнес, как говорят о свершившемся факте. Не посоветовался, не спросил... Как змея, сбросившая шкуру,

Володя в один прекрасный день предстал перед ней совершенно другим человеком. Но качественные изменения, как известно, подготавливаются исподволь. Выходит, в его организме шли скрытые от ее глаз, таинственные процессы. А она, Ксения, о них даже и не догадывалась.

«Да что ж это я? – сказала она себе в следующую секунду. – Осуждаю его, что ли? Ему сейчас и так плохо. Хуже, чем мне».

В русском языке есть устойчивое выражение: победителей не судят. Но, может, правильнее было бы не судить побежденных? Боль, позор, поражение и есть наказание само по себе.

«Нет-нет, я буду ждать его, буду молиться за него. И когда все образуется, я больше не пушу его ни в какой бизнес. С нас и этого вполне достаточно».

Тут, как и любой человек, попавший в трудные обстоятельства, Ксения вспомнила о Боге. Как лучше обратиться к Богу, она точно не знала – просто прочла единственную известную ей молитву, «Отче наш».

Что там подходящего к ее ситуации? Оставь нам долги наши. Лучше не скажешь. Прости нам наши долги. И пусть те, кому мы задолжали, тоже простят нам.

Но особенно вот что: избавь нас от лукавого. От новой змеиной сущности избавь, и мы опять будем жить как жили.

– Ксения Дмитриевна, я все понимаю. Не надо отчаивать-

ся. Такая у нас жизнь – все неустойчиво, шатко. А особенно с приходом этого кризиса... Будь он неладен! – Анна Викторовна тяжело вздохнула. – Пока ничего значительного для вас у меня нет. Никакой серьезной работы. Честно скажу, дела наши все хуже день ото дня. И поверьте, не у нас одних. Везде та же самая песня. Приходится отказываться от запланированных изданий, сокращать тиражи... Особенно что касается вашей ниши – исторических и художественных книг. В отделе маркетинга, например, уверены, что в условиях кризиса будущее принадлежит покетам.

– Мне все равно. Пусть будут покеты. Лишь бы работа...
Анна Викторовна веско помолчала.

– Еще раз прошу вас: не отчаивайтесь! Жизнь – она ведь полосатая, как известно. Ваши полставки я как-нибудь сохранию, а там будет видно.

Вот такой у них получился разговор – неутешительный и беспредметный. Зря только надеялась.

Работы по-прежнему было мало. Оставленные Володей деньги таяли с каждым днем. Зато свободного времени образовался вдруг целый вагон. Но драгоценное для большинства людей свободное время воспринималось Ксенией как тягостное безделье.

Впервые в жизни она не знала, куда себя деть и чем занять. Попробовала навести порядок в доме.

Но теснота и убожество родной квартиры действовали на нервы, выводили из себя. К тому же двойняшки категори-

чески отказались спать на двухъярусной кровати и вообще уживаться в одной комнате. Ника без лишних слов со всеми своими платьями, картинами, фотографиями в рамках, мягкими игрушками, замысловатыми коробочками и прочими девичьими прибабасами перебралась к матери. Компьютер она установила на мамином туалетном столике, мольберт в углу – на месте кресла. Кресло же при пособничестве брата Кирилла выставила в коридор, после чего там стало ни пройти ни проехать.

В комнату сына Ксения вообще предпочитала не заходить. Достаточно сказать, что, зайдя туда, она неизменно обнаруживала роликовые коньки, валяющиеся посередине. Тетради и учебники на письменном столе соседствовали с огрызками яблок, апельсиновой кожурой, кружками с недопитым чаем и даже тарелками с застывшим на них кетчупом. Так же хаотично на столе валялись диски, флешки и еще какие-то компьютерные причиндалы, о которых Ксения понятия не имела.

– А где же ты занимаешься? – спросила она сына.

– На полу. Папа, когда был маленький, точно так же делал уроки.

– Послушай, Кирилл, но ты-то уже не маленький.

– А я так привык!

И чтобы убедить Ксению в преимуществе своего способа приготовления уроков, Кирилл схватил со стола первый попавшийся учебник и растянулся с ним на полу, отпихнув в

сторону роликовые коньки.

Ксения порывалась навести порядок в комнате сына. Но он ее порыв в два счета остановил. А она не чувствовала в себе сил противостоять его напору.

Получалось, что в собственном доме ей голову некуда приклонить. Можно, конечно, пойти на кухню, включить телевизор и под сериал «Кармелита» сварить суп-пюре с куриным окорочком. Картошка и морковь варятся отдельно, потом все ингредиенты, включая куриное мясо, мелко перетираются и заправляются куриным бульоном. Кстати, в бульон для пикантности можно кинуть кубик «Галины Бланки» или концентрат «Горячей кружки».

Ника почти всегда отказывалась от такого угощения, а Кирилл съедал по две тарелки, не очень разбирая, что ест.

В целом же дети довольно равнодушно восприняли переход в новое материальное измерение. Они скучали по отцу, иногда ностальгически вспоминали житье-бытье в «Гринвуде», но не капризничали и не кланчили денег. Спокойно довольствовались малым.

С одной стороны, такое поведение называется деликатным. С другой... Ксения не обольщалась. Было ясно, что за блочными стенками их скудного, неуютного дома у ее детей нарождается что-то собственное, касающееся только их и не имеющее никакого отношения ни к папе, ни к маме.

– Займись чем-нибудь интересным! – советовала Ленка. – Ты – молодая женщина, чего сидеть киснуть в четырех сте-

нах?!

– Ну что мне, в музыкальную школу записаться? – спрашивала с усмешкой Ксения.

– В музыкальную школу – не знаю, а вот на фитнес – вполне подходяще.

– Ты хочешь сказать, что я растолстела?

– Я хочу сказать, что занятия в фитнес-клубах тонизируют и настроение поднимают.

– Что значит «тонизируют», я не понимаю. И зачем искусственно настроение поднимать – честно говоря, тоже. У меня все плохо, а я буду ходить с приподнятым настроением. Как какая-то идиотка.

– Ну давай пройдемся по магазинам. Помнишь, как раньше?

– Чего там делать без копейки? Мне даже на метро зря тратить не хочется.

– Ну я не знаю... Ну познакомься хотя бы с кем-нибудь.

– С кем? – не поняла Ксения. – А... Зачем?

– Для тонуса. Глядишь, появится цель в жизни.

– И что это за цель?

– Любить и быть любимой! – Ленка звонко расхохоталась. – Только не говори, что ты продолжаешь любить мужа. Я все равно в это не поверю.

– Это почему?

– От мужика что должно быть? – спросила Ленка учительским тоном. – Толк!.. Польза должна быть от мужика. Вот

что! А от твоего Володечки толк какой? Одни убытки.

– Странно ты рассуждаешь, Лен. Мы с тобой что, соержанки, что ли?

– При чем здесь соержанки?! – завелась Ленка. – Вот представь себе, живут двое – муж с женой, так?

– Ну и что?

– И жена не делает ничего: ни стирает, ни убирает, ни готовит.

– Бывает. Попадаются такие женщины.

– Попадаются!.. Вот видишь, ты же первая осуждаешь таких! А теперь представь: другая пара. Он и она одинаково ходят на работу и зарабатывают примерно одинаково, плюс она стирает, убирает, готовит, рождает детей, делает с ними уроки и ходит на родительские собрания, а он на досуге ездит на охоту и смотрит телевизор.

– В основном так у всех.

– А ты знаешь, как это называется? Несправедливость! Понятно?

– Почему несправедливость? Так сложилось исторически. Ты что хочешь, чтоб муж у тебя посуду мыл?

– Мы вообще-то посудомоечную машину недавно купили, – заметила Ленка между прочим, – а до этого времени он мыл!.. А что еще с него взять? Денег сумасшедших он не зарабатывает. Так, с голоду не сдохнуть чтоб. Ну, сережки подарит на Восьмое марта... А так-то что? А я должна и на кухне, и в магазин, и с детьми!..

– А сам по себе он, что же, не представляет никакой ценности?

Ленка задумалась.

– Хрен его знает... Иногда с ним прикольно, чего-нибудь вкусного притащит, накроет поляну... А вообще мне давно хочется чего-то такого... – Ленкины серые глазки подернулись таинственной поволокой. – И тебе хочется...

– С чего ты взяла? – перебила Ксения.

– С того!.. Твой – он сейчас где? В бегах? У бабы какой-нибудь задницу греет. – Ленку не смутило, что Ксения попыталась протестовать. – Точно тебе говорю! Он, может, и не любит ее, а отсидеться-то ему надо где-то. А ты что же – не человек?

Ленка была уже не той двухгодичной давности робкой Ленкой. Она ощутила почву под ногами – несмотря ни на что, сумела вписаться в Москве. Чопорные коллеги-редактрисы постепенно признали ее своей. С нелепыми блузками в крупный горох было раз и навсегда покончено. Наставляемый мудрой женой, Мишка тоже не терял времени даром. За отличную учебу в академии, а также за прошлые боевые заслуги страна наградила его трехкомнатной квартирой у станции метро «Бунинская аллея». Так что Ленка была теперь настоящей москвичкой и на равных разговаривала с москвичками. А если эти москвички оказывались ей неравными, то есть, попросту говоря, не догоняли элементарных вещей, она была готова им все объяснить не стесняясь, в простых

доступных выражениях.

– Кстати, – вспомнила Ленка, – мне в квартиру надо кое-что посмотреть. Может, в выходные скатаешь со мной в «Вегу»?

– «Вега» эта твоя черт-те где, – апатично заметила Ксения.

Ей не хотелось тащиться в гипермаркет, но и воскресный день в обществе двойняшек, с их болтовней по телефону, музыкой, непрерывными словесными стычками, которые иногда завершались настоящими потасовками, представлялся жутью кошмарной.

– Ну плиз, – попросила вкрадчиво Ленка. – там бесплатный автобус от метро. Пообедаем в ресторане. Я угощаю! Ну что, согласна?

– Поехали.

– Мам, ты уходишь? – бормотала Ника наполовину сквозь сон. – Почему так рано?

– Так надо. – Ксения аккуратно прикрывала дверцу платяного шкафа, стараясь окончательно не разбудить дочь.

Ника сладко зевнула в ответ и натянула одеяло повыше. А как еще нормальный человек может отреагировать на вскакивание чуть свет воскресным февральским утром?! И чего это ей не спится?

– Мам, а сколько сейчас время?

– Который час, – машинально поправила Ксения. – Без пятнадцати десять.

– А ты куда?

– В магазин.

– Мы же вчера вроде все купили.

– Я в другой магазин. Не за продуктами.

– А какой?

– В «Вегу».

– Да?! – Ника окончательно проснулась и села на кровати. – Там сейчас распродажа... А помнишь я тебе говорила про платье-баллон?

– Ты говорила, что платье – в «Подземном городе».

– Ну так заедешь по дороге.

– Это не по дороге, Ника. И денег на платье у меня сейчас нет.

Ника прыснула обиженным смешком.

– На мое платье, значит, денег нет, а сама на целый день едешь в «Вегу»?

– Почему ты думаешь, что на целый?

– Ты бы не стала вскакивать ни свет ни заря! Ты же любишь поспать, понежиться утром. Правда, мамочка?

– Ну допустим, правда. – Ксения улыбнулась. – Но я туда еду не одна. Лена попросила съездить с ней – сделать для новой квартиры кое-какие покупки.

– Опять эта Лена, деревенская зануда?! Ну-ну – флаг тебе в руки!.. А можно, пока тебя не будет, я девочек к себе приглашу?

– Господи, Ника, ну куда у нас приглашать? В этой комна-

те все заставлено, как в магазине. На кухне тесно, у Кирилла – самая настоящая помойка.

– Да, кстати! Насчет Кирилла – просто суперидея!

Вероника спрыгнула с кровати и с криком понеслась к брату в комнату:

– Кирка, вставай! Сколько можно дрыхнуть? Соня! Весь в мать пошел! Короче, так...

Далее послышалось нечто бессвязное – спросонья Кирилл не мог понять, о чем толкует ему сестра. Впрочем, разошелся он быстро:

– Что? Комнату вам для вечеринки освободить? А шнурки тебе не погладить?

– Ты можешь в это время посидеть на кухне и физикой позаниматься! О, пардон. Я хотела сказать – полежать. Ты же у нас любишь лежать на полу, как большой домашний пес. Овчарочка или такой лабрадорчик.

– Знаешь чего, Ник? Давай, пока мамы нет, я с друзьями посижу у себя в комнате, а тебе, так и быть, организую ванну. Забыла? Ты же у нас черепашка!

– Мама, он обзывается! – заныла Ника. – Я хотела девочек пригласить, устроить вечеринку...

– А я хотел мальчиков, – подтянул Кирилл, передразнивая сестру, – а она ради родного брата не может какие-то жалкие три часа в ванной посидеть.

– Ну так в чем проблема? Кирилл пусть позовет мальчиков, а ты, Ника, – девочек. И будет все как у людей. Вечер!

Пати! Танцы парами!

– Мамочка, я тебя умоляю! Кто захочет танцевать с его крокодилами?

– А с ее каракатицами? У нее теперь новая подруга по фамилии Блинцовская. Фамилия одна чего стоит! А? Скажи?!. Туша такая килограмм на восемьдесят со здоровой башкой и маленькими ногами.

– Короткими, – поправила Ксения.

– Каракатица!

– На себя бы посмотрел!

Ника размахнулась, чтоб ударить Кирилла, но он предупредил ее удар и, больно сжимая руку, продолжал:

– А еще, мам, прикинь! Эта каракатица, чтобы казаться повыше, свои три волосинки поднимает наверх, и башка у нее от этого становится еще больше!

– Пусти, придурок! – Вероника попыталась выдернуть руку. – У самого башка как пивной котел.

– Утухни, черепашка!

– Комнату уберите! – Ксения собиралась извлечь из вечеринки максимум эгоистической пользы. – И можете организовать скромный фуршет, только, пожалуйста, не выворачивайте наизнанку весь холодильник – нам этих продуктов должно хватить на неделю.

– Ну вот еще, – фыркнула Ника. – Наша хата, а жарчку пусть гости несут с собой.

– Не жарчку, а еду! Какая ты грубая, Ника... Для вече-

ринки больше подходит слово «закуска».

– Ага! Закуска... Значит, ты, мамочка, допускаешь, что будет и выпивка?

– Я реалистка! Только, пожалуйста, не до поросячьего визга.

– Ты слишком демократична, мам. Слишком много свободы даешь своим детям. Услышала бы тебя В. Г. – мало бы нам всем тут не показалось.

– Кто это В. Г.?

– Да классуха наша новая, историчка. Веселый Гоблин! – Кирилл заржал.

– За что же вы ее так?

– На самом деле ее зовут Виктория Георгиевна, – примерным тоном сообщила Ника. – Она очень строгий и принципиальный учитель.

– Так у вас классная руководительница поменялась?

Ксения была неприятно удивлена. Что она, в самом деле? Детей забросила! Завтра же надо пойти в школу, познакомиться с Веселым Гоблином, то есть Викторией Георгиевной, конечно, и переписать из журнала текущие оценки, как она это делала в прежней жизни. В школе ее наверняка поджидают «приятные» сюрпризы!..

– Да ты не парься, мам, – доверительно посоветовал Кирилл, – новая ничем не отличается от старой. А старая – от той, которая была до нее. От нашей Ники все без ума. А я иду в комплекте.

Это была коронная фраза сына. И Ксения, и Володя без устали твердили ему, что по жизни у него не будет такой возможности – идти в комплекте с сестрой. Никто из этих соображений не возьмет его на работу, никто не будет платить зарплату. Но до сих пор внушения эти не возымели желаемого действия. Поэтому на этот раз Ксения решила воздержаться от внушений.

На прощание строго оглядела двойняшек и, не найдя подходящих слов, погрозила им пальцем.

– Пока-пока, – засмеялись дети ей вслед.

Мамы бояться не стоило – в этом, одном из немногих пунктов, двойняшки были единодушны полностью.

Ленка ждала ее у метро в условленном месте.

– Я здесь уже двенадцать минут, – сообщила она вместо приветствия. – Меня снежком припорошивать начало.

– А я с детьми разбиралась. Извини, пришлось задержаться. Ты ведь еще не знаешь, что такое большие дети!

– Ну что они у тебя натворили? – спросила Ленка таким пренебрежительным тоном, что всякая охота рассказывать про двойняшек пропала у Ксении сама собой.

Ведь в самом деле, не говорить же Ленке, что она уже несколько месяцев не заглядывала к детям в дневники, не ходила в школу, про бардак в комнате Кирилла и про вечеринку со спиртными напитками, организуемую с ее собственного благословения? Кто знает, что это будут за напитки – «От-

вертка», сухое вино или водка? Недавно Кирилл обмолвился между прочим, что прошлым летом на даче у школьного приятеля Борьки Фомина они пили ром и один мальчик хватил лишку. Бедняжку рвало так сильно, что ребята уже думали вызывать скорую. А какая-то девица вспомнила про несчастную любовь и хотела порезать вены.

Один Бог знает, что застанет она, вернувшись домой после шопинга.

Но жаловаться на жизнь Ксении не хотелось. Надоевшие ей самой разговоры про собственное малодушие, лень, одиночество и полное отсутствие жизненных стимулов Ленка пресечет суровой нотацией. Чтобы не слышать таких нотаций, Ленкин муж Мишка готов превозмочь собственные возможности.

– Ты замечательно выглядишь, – заметила Ксения вместо ответа. – И... я не поняла сначала, у тебя новая шубка?

– В прошлом году купила. На Черкизоне, с отпускных.

– В прошлом году?.. И ни разу не пришла на работу?

– А зачем? – выразительно спросила Ленка. – На работу я хожу в пуховике.

Понятно. На работе она продолжает сохранять образ несчастной, задавленной жизнью жены инвалида Чеченской кампании, на проблемы которого государству глубоко наплевать. Чтобы компенсировать эмоциональное равнодушие государства к семье инвалида, Анна Викторовна даже в кризисные времена обеспечивает Ленку работой на полторы

ставки. Сердобольные коллеги сумками несут вещи для Лениных детишек. Люди они деликатные, поэтому устаревшее и чересчур заношенное предлагать стесняются. Так что проблема с детской одеждой решается в их семье сама собой. Муж по понятным причинам ходит в казенном, поэтому отпускные Ленка с чистой совестью может потратить на норковую шубку.

– У меня ведь сегодня праздник, Ксень.

– Поздравляю. А какой?

– О, тут целая история! – Ленка мечтательно улыбнулась. – Ты знаешь, я когда вышла за Мишку... ну что нам было: ему двадцать два, мне двадцать пять... Гоняли нас с места на место, то в одну дыру пошлют, то в другую. А уж когда родился Максим – это вообще. Мы жили под Горьким – то есть под Нижним Новгородом – в таком общежитии, где кроме нас – одни мужики. Кухня, ванная, туалет – общие. Макс был маленький, хилый, я его недоношенным родила. Детская врачиха, видно, пожалела меня и сказала, что поможет оформить ребенку инвалидность.

– А чем он болел?

– Как тебе сказать?.. Всем понемногу. Но инвалидность мы стали оформлять по поводу астмы.

– Значит, у него астма?.. Ты не рассказывала.

– Да какая там астма! – Ленка раздосадованно махнула рукой. – Бронхит был, как у всех детей. Но врачиха сказала, вам инвалидность пригодится. Во-первых, от армии от-

косить. Мишка тогда развонялся: мужик-солдат-защитник!.. Ну, я послушала его, послушала и все сделала по-тихому. Теперь зато армия нам не светит. А еще за инвалидность пособие полагалось. Копейки, конечно, но я открыла книжку, и денежка начала мне капать. Я про эту книжку никому не рассказывала. Вот, думала, будет у меня когда-нибудь свой дом и все я в нем устрою, как захочу.

– Так скажи Мишке, он и так все, что ты захочешь, делает.

Ксения уже знала, что последним Мишкиным достижением был реечный потолок со встроенным электрическим освещением. Все эти чудеса Мишка творил в буквальном смысле одной левой.

– Нет, – Ленка вздохнула, – всего, что я захочу, Мишка сделать не может. – Вот, например, я недавно проходила мимо одного магазинчика – называется «Итальянская сантехника». Знаешь, что я там видела?.. Стекланную раковину! Золотистая такая... чаша, что ли, так правильнее сказать, с неровными краями, как будто лепестки у цветка... Разве Мишка может такое сделать?.. Или хотя бы оплатить?

– Оплатить сможет, наверно, если постарается.

– Ни хрена он не может, твой Мишка! И вот тут-то мне и пригодится моя книжечка! Я знаешь как мечтала, – продолжала Ленка, воодушевляясь, – что я пойду... не по рынкам грязным-гребаным, а по приличным магазинам с хорошей приятельницей. Красиво оденусь... Понятно?

– Да... – Ксения вздохнула, понимая, что в камелотовских ботинках, выношенных голубых джинсах и вида выдавшей темно-синей куртке далеко не соответствует Ленкиным мечтам об изящном шопинге. – Ты бы предупредила заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.